

сформованості, доведено необхідність системного дослідження різних релігійних / конфесійних концептів, специфіки вербально-семіотичної репрезентації духовно-релігійних цінностей різних конфесій і релігійно-конфесійних картин світу.

У статті осмислено той факт, що релігія народу репрезентована в рамках конкретної конфесії, без чого вона не може існувати; таким чином, будь-яка конфесія — завжди релігійна. Водночас конфесійний аспект репрезентації лінгвокультурних етичних і моральних концептів, всієї системи мови ще не досліджувався у просторі національної мови. Підкреслюється, що сьогодні необхідно саме комплексне вивчення мови тієї чи іншої конфесії, щоб усвідомити, відчутти, зрозуміти і прийняти її релігійно-культурну ексклюзивність і універсальність (наприклад: православ'я — іслам; іслам — іудаїзм, православ'я — протестантизм тощо), що об'єктивується не лише лінгвістично, а й екстралінгвістично.

Ключові слова: конфесійна картина світу (ККС), семіотика конфесії, православна етика, лінгвоконфесійний концепт, етичне vs конфесійне.

Lyudmila Yu. BUYANOVA,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor of the Department of Slavic and Russian Linguistics of the Kuban State

University; Krasnodar, Russia;

e-mail: lub_prof@mail.ru; tel.: +7(8612)264654; mob.: +7 89184338465

LINGUAL CONFESSIOLOGY IN THE SYSTEM OF MODERN GNOSOSPHERE IN THE HUMANITIES: METHODOLOGICAL AND CONCEPTUAL BASES

Summary. The article explains the status of a new developing direction («a branch») of the cultural linguistics — the **confessional linguistics** proposed by us as a scientific discipline; it gives the categorical system characteristics, it shows the formation degree. We can prove the need for systematic studies of various religious/confessional concepts, specific verbal-semiotic representations of spiritual-religious values of different confessions and religious-confessional worldviews.

The article is devoted to the fact that the religion of the people is represented within a particular denomination, without which it can not exist, so any confession is always religious. At the same time the confessional aspect of representation of linguocultural ethical and moral concepts of the entire system of language has not been searched in the sphere of the national language. It is emphasized that the complete study of the language of a particular faith is compulsory, in order to understand it, to feel it and accept its religious and cultural exclusivity and versatility (eg, Orthodoxy — Islam, Islam — Judaism, Orthodox Christianity — Protestantism, etc.) that is objectified not only linguistically, but also extra-linguistically.

Key words: confessional world view (CWV), confession semiotics, Orthodoxy ethics, linguoconfessional concept, ethnical vs. confessional.

Статтю отримано 20.02.2014 р.

УДК 811.161.1-116'362'27'282:711.433

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье изучаются пути взаимодействия сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи. Полипарадигмальный подход обеспечивает комплексное исследование феномена языка города.

Методика сравнительно-исторического анализа используется в выявлении собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих речевые особенности горожан, помогает установить процессы изменения этноязыковых и цивилизационных приоритетов в разных городах. Изучаются процессы влияния диалектов и иностранных языков на речь горожан, история и закономерности развития городских и территориальных койне.

Системно-структурный подход даёт возможность рассматривать язык города как стратификационно, функционально, ситуативно, семиотически, идеографически упорядоченную структуру. Системно-структурные способы исследования помогают обнаруживать, инвентаризовать и систематизировать фонетические, лексические, словообразовательные, фразеологические, грамматические и другие особенности разных городских койне; установить правила моделирования городского текста.

Объект антропоцентрических исследований в урбанолингвистике — языковая личность горожанина. В рамках этого направления исследуются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека в городе; изучается языковая картина мира горожанина, специфика его речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве города; выделяются городские языковые типы, городские лингвокультурные сценарии. Изучаются также механизмы становления индивидуальной картины мира и идиолекта городской языковой личности. С точки зрения авторского идиостиля исследуется городской текст.

Ключевые слова: русский язык; городская речь; методология урбанолингвистического исследования; сравнительно-исторический подход; системно-структурный подход; антропоцентрический подход; полипарадигмальный подход.

Город и село (деревня) — исторически сложившиеся, территориально локализованные специфические формы организации жизнедеятельности общества, которые представляют в современной картине мира компоненты бинарной оппозиции, различающиеся количественным, формальным, функциональным, аксиологическим параметрами социально-пространственной структуры. В современной научной

парадигме *город* феноменологически противостоит *деревне*. Исследования в области языка города указывают на множественность подсистем технической и социальной городской инфраструктуры, обеспечивающих витальные и социально-личностные потребности горожан (геолого-архитектурная, энергетическая, экологическая, экономическая, транспортная, информационная, административная, санитарная, страховая, социально-стратификационная, этносоциальная, языковая, научно-образовательная, культурно-просветительская и другие подсистемы). Механизмы взаимосвязанного функционирования этих подсистем, интегративная междисциплинарность урбанографии и урбанолингвистики свидетельствуют о полипарадигмальном характере города как системы и обуславливают необходимость использования разных подходов к научному исследованию городских проблем, в том числе языка города. Определение и изучение механизмов взаимосвязанного использования сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи является основной целью данной статьи.

Смена научных парадигм представляет историю науки. В языкознании имеются разные подходы к выделению научных лингвистических парадигм. Нам представляется, что наиболее оптимальной является система парадигм, соответствующая общим исследовательским тенденциям и закономерностям в истории научного познания. В лингвистике это расширяющаяся система, состоящая на данном этапе из трёх равнозначных парадигм: *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической*. «Каждая из существующих парадигм содержит своё рациональное зерно, свои открытия и взлёты, но охватить все «лики» языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии» [30, с. 18]. Именно поэтому всякая новая парадигма не отменяет предыдущую, а лишь на определённое время становится приоритетной благодаря получению возможности для исследователей изучить грани языка, недоступные либо малодоступные при использовании научного инструментария предыдущих / иных парадигм.

История научного исследования проблем языка города приводит нас к выводу о том, что на любом этапе научного познания мира эти проблемы не могли рассматриваться вне антропоцентрической парадигмы, без изучения горожанина как субъекта речевой деятельности. Однако общая направленность исследований в области урбанолингвистики на этапах приоритетного использования методологии и инструментария других парадигм была подчинена тем задачам, которые были наиболее актуальными в науке в целом.

Первые попытки научного осмысления генезиса и развития городов появились на рубеже XIX–XX в. Основатель геополитики Фридрих Ратцель, определяя рамки географии человека, назвал городом «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций». Учёный выделил три признака, по которым город отличается от села и которые обычно упоминаются в последующих определениях феномена города: 1) специфика основных видов деятельности (промышленность и торговля); 2) плотность жилой застройки (плотное «скопление жилищ»); 3) численность населения (минимальный предел 2 тыс. жителей) [33]. Определение Ф. Ратцеля отражает технократический подход к изучению проблем города и свидетельствует о преобладании в науке того времени предметно-ориентированной пространственно-временной рефлексии бинарного объектно-субъектного кода данного феномена. В этот период город обычно изучался в рамках сравнительно-исторической научной парадигмы. Сравнительно-исторически рассматриваются вопросы экономической, военно-политической, демографической, научной, культурной, духовно-психологической жизни городов, их роли в цивилизационном процессе, в этноязыковой эволюции общества, в эволюции биосистемы. Для выяснения причин современной урбанизации исследователи часто обращаются к сравнению тех или иных процессов с подобными процессами и их причинами в древнем Египте, Междуречье, Греции, Риме, средневековой Европе [напр.: 4; 12; 43]. Хронологический признак является ключевым в исследовании истории города И. М. Гревсом, который образно трактует город как центр «культурного притяжения» и «лучеиспускания», высший показатель цивилизованности, «прекраснейший путеводитель хода истории и её судьбы» [11]. В связи с этим М. М. Бахтин заметил, что древний город воспринимается наукой не как «мертвенная руина, лишённая всякой связи с окружающей современностью и всякого влияния на неё», а как «существенный и живой след прошлого в настоящем» [1, с. 224]. В современных урбанологических исследованиях продолжают широко использовать сравнительно-исторический подход.

Своеобразие отечественных урбанолингвистических исследований периода господства сравнительно-исторической научной парадигмы заключается в том, что российские лингвисты на этом этапе систематизируют языковой материал на основе сравнения его использования в городе и деревне, а также пытаются установить особенности русской речи в разных городах, исходя из истории их создания и заселения разными этническими группами. На этом этапе развития лингвистики складывается учение о диалектах русского языка как языковых образованиях, противопоставленных литературному языку — наддиалектной форме существования языка, генетически связанной с городом [27, с. 189]. Русская речевая литературная норма к середине XIX века ориентируется на городскую речь, как правило, Москвы и Санкт-Петербурга [7, с. 48–54, 355; 23, с. 8–10, 112–116; 14, с. 646–702; 9, с. 9].

В XIX в. некоторые исследователи указывали на существование ряда фонетических, лексических и грамматических особенностей русской речи в нестоличных городах Российской империи. Раньше других к изучению этой проблемы с научной точки зрения обратился К. П. Зеленецкий, профессор Ришельевского лицея в Одессе. Особенности русской речи жителей городов Новороссийского края: Одессы, Таганрога, Бердянска, Николаева — он связывает с влиянием других этнических языков и русской диалектной речи: «...В Новороссийском крае, при большом числе обруселых инородцев, нет

единства в составе русского народонаселения» [19, с. 9]. Например: *смянуть* = «дёрнуть»; *тучный* = «облачный»; *нестись* = «гордиться»; *недостаточество* = «несовершенство»; *нанять свой дом* = «сдать в наём свой дом»; *делать торговлю* = «вести торговлю»; *купить две собаки* = «купить двух собак»; *через минуты две* = «минуты через две»; *служить за кучера* = «служить в кучерах»; *к очень многим* = «очень ко многим»; *он с меня смеётся* = «он надо мной смеётся»; *молоко разводит с водою* = «молоко разводит водою»; *стери* = «сотри»; *перекупка* = «торговка»; *хутор* = «дача»; *больше никто, как он* = «больше никто, кроме него»; *Что; конеЧНо; скуЧНо; оставь его делать* = «пусть он делает» и т. д. Фонетические, лексические, грамматические особенности русской речи Одессы и прилегающего к Одессе региона пытаются выявить, систематизировать и проанализировать в конце XIX в. В. Долопчев [13]. Например: *доЖДик; луЧШе; совесТливый; крепКИЙ; ветХИЙ; строГИЙ; НептунА; недОбимка; приобрЕтение; искрИвленный; слесАрный; грушОбвый; скучать ЗА КЕМ/ЧЕМ; щурить ГЛАЗАМИ; ехать ЛОШАДЬМИ* и т. д. Некоторые из отмеченных в этих работах речевые особенности уже стали нормативными в литературном русском языке, другие рассматриваются как территориально ограниченные (диалектные либо региональные), социально ограниченные (просторечные, общежаргонные) либо переставшие употребляться в живой речи. В середине XIX в. разгорается полемика между москвичами и петербуржцами о том, кто правильнее говорит по-русски. Эта полемика носит публицистический характер и находит отражение на страницах журнала «Современник» (1859). Вот, например, строки о Петербурге из «Московского стихотворения» (1859) Н. А. Некрасова: *Столица новая возникла при Петре. / Возникнув с помощью чудотского народа / Из топей и болот в каких-нибудь два года, / Она до наших дней с Россией не срослась: / В употреблении там гнусный рижский квас, / С немецким языком там перемешан русский, / И над обоими господствует французский, / А речи истинно народный оборот / Там редок столько же, как честный патриот!*

Об особенностях речи жителей разных городов делают замечания писатели на страницах художественных произведений. Например, о большом количестве заимствований в речи петербуржцев у А. С. Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет; / А вижу я, винюсь пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б меньше мог / Ино-племенными словами, / Хоть и заглядывал я встарь / В Академический Словарь* («Евгений Онегин», 1, XXVI). У Ф. М. Достоевского в рассказе «Скверный анекдот» (1862) находим: *«Есть два существенные и незабываемые признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: «Петербургские ведомости», а всегда говорят: «Академические ведомости». Второй, одинаково существенный, признак состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово «завтрак», а всегда говорит: «фрыштик», особенно напирая на звук фры»*. С научной точки зрения причины речевых различий москвичей и петербуржцев стали рассматриваться значительно позже.

В произведениях О. Рабиновича, А. Куприна, В. Катаева, К. Паустовского, В. Жаботинского и многих других писателей, писавших в Одессе либо об Одессе XIX — начала XX в., находим немало метаязыковых замечаний, в которых толкуются используемые в речи героев одессизмы. Например: *Двое из его помощников рыскали по городу, а третий взвешивал на скандале какой-то продукт* (О. Рабинович. «Мориц Сефарди»). В примечании автор толкует слово *скандал*: «От итал. «scandaglio», поверка, испытание. Так называется небольшой металлический аппарат, по которому узнаётся вес в четверти зернового хлеба» [32, с. 88]. *В Одессе «занять денег» значит не брать взаймы, а дать взаймы* (В. М. Дорошевич «Одесский язык»). *Одесситы приняли меня так хорошо, что я, со своей стороны, был бы не против того, чтобы отблагодарить их небольшим подарком: поднести им в вечное и постоянное пользование букву «Б!»* (А. Аверченко. «Одесса»). *Ну а что касается митральез, то они не имели ничего общего со знаменитыми митральезами Парижской коммуны. Это были толстые картонные трубочки, заклеенные с одной стороны папиросной бумагой, в то время как с другой стороны, из глухого картонного кружка, торчала верёвочка, за которую нужно было дёрнуть, и тогда из митральезы с лёгким и нестрашным выстрелом вылетал заряд: пороховой дымок и пригоршня бумажных конфетти...* (В. Катаев. «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»). *...Нужно было двумя пальцами взять грецкий орех — иногда у нас в городе его называли волошский...* (Там же). *Пароход «Васильев» конкурировал с «Тургеневым», и ... билет от Аккермана до Одессы уже стоил только пятнадцать копеек, или, как у нас говорили, «злот»* (Там же). *...Малхамузы — маленькие жидовские повозочки без рессор, кучера которых на козлах сидели чуть не голые. Их брали студенты и другая небогатая публика...* (К. Скальковский. «Воспоминания молодости: По морю житейскому, 1843–1869»). — *Декохт такой, что упаси господи! / — Декохт?! / — Ну да... голод!.. Страсть как терпит народ! Валяется по ночам в клёпках и вагонах! На баржан четырёх копеек нет! / — А баржан что такое? / — Да что вы, ей-богу, смеётесь? — обиделся Сенька. — Не знаете, что баржан — приют? (Л. Кармен. «Дети набережной»). В тяжёлые минуты «декохта», что на морском и портовом жаргоне обозначает полное безденежье, к Сашке свободно и безотказно обращались за мелкими суммами или за небольшим кредитом у буфета* (А. Куприн. «Гамбринус»). *Тёплый ветер, дувший с Босфора, мягкий «левант» мгновенно высушивал мостовые* (К. Паустовский. «Южная Пальмира»). *Катакомбы... — это искусственные подземные пустоты... Одни из них представляют собой бывшие каменоломни, другие — ходы из подвалов домов (в Одессе такие ходы чаще всего называли «минами») (В. Файтельберг-Бланк. «Бандитская Одесса: «Двойное дно» Южной Пальмеры»).*

Уже с конца XIX века в градovedческие исследования проникают приёмы другой, структурной (системно-структурной) научной парадигмы, которая становится основной при приоритетном использовании технократического подхода. В I трети XX в. смена парадигм произошла во всех областях знаний. В урбанолингвистике она была обусловлена прежде всего необходимостью решать острые задачи научно-технической революции и потребностями обеспечения безопасности жизни в условиях стремительно растущих промышленных мегаполисов. Однако во многих исследованиях XX века методы и приёмы структурной парадигмы органически сочетаются с методами и приёмами уже выполнившей свою основную миссию в науке сравнительно-исторической парадигмы и ещё не ставшей приоритетной антропоцентрической парадигмы. Так, Льюис Мамфорд (Lewis Mumford) диалектически использует приёмы и методы всех трёх парадигм, распространяя теорию эмерджентной эволюции (скачкообразного развития) на феномен города. Учёный представляет город как эмерджент, возникновение которого в древнем обществе стало одним из цивилизационных скачков, так как вызвало всеобъемлющее изменение структуры экономической, духовной и культурной жизни социума и обусловило развитие человеческих способностей во всех направлениях [44].

Приоритет системно-структурной научной парадигмы своеобразно отразился на проблематике урбанолингвистических исследований. Их основной целью стало создание лингвистически ориентированных моделей города. На пути к этой цели изучались фонетические, лексические, фразеологические, грамматические, идеографические особенности речи разных этнических, профессиональных и других социальных групп городского населения, представляя городскую речь как совокупность субкодов (подсистем) единого языкового кода [2, с. 24–25], используемых горожанами, как реализацию поликомпонентной языковой ситуации.

В 1920–1930-е годы одной из первых в мире начала формироваться советская школа урбанолингвистики. Ведущие отечественные учёные активно исследовали многие проблемы языка города: вопрос о влиянии на формирование и развитие норм русского литературного языка, начиная с XVII века, *городского просторечья*, разных *стилей городского обиходного языка*, *просторечья демократических масс города* [см., напр.: 7, с. 49–54, 478–482]; вопросы теории и практики *городского языкового быта*; систему *городских арго, жаргонов, специальных профессиональных языков, городских говоров*, механизмы их взаимодействия и воздействия на литературный язык; *билингвизм* и *поллингвизм / полиглотизм горожан*; *языковую политику* государства в многоязычном городе); вопросы фонетической и грамматической *ассимиляции* и идеографической *дифференциации* компонентов *языковой ситуации города* [напр.: 27; 18; 22; 10]. Успехи научно-практического изучения этих вопросов в русистике стали возможными только благодаря умелому использованию в новых условиях инструментария сравнительно-исторической научной парадигмы. Этот инструментарий в научном исследовании языка города используется для выявления собственно городских концептов и их отделения от тех, которые являются общими для языка. Методы и приёмы этой парадигмы используются также для наблюдения за процессами влияния на речь горожан диалектной речи разных регионов и иноязычной речи, для изучения особенностей развития городских и территориальных койне. Сравнительно-исторический подход помогает установить процессы изменения цивилизационных и этноязыковых приоритетов в речи жителей разных городов.

В 1926 г. Б. А. Ларин видел причины кризиса лингвистических исследований в игнорировании изучения языка города: «Если картографически представить лингвистическую разработку ... современной Европы, то самыми поразительными проблемами на ней оказались бы не отдалённые и неприступные уголки, а именно большие города. Из всего языкового богатства этих сложных конгломератов изучались только литературные языки. Но, развиваясь на языковой почве города, они давно стали экстерриториальными и, в своей теперешней функции, как бы «не помнящими родства». Оттого и их изучение как-то обходилось без обращения к их непосредственному лингвистическому окружению. Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические и стилистические объяснения литературных языков. Городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непосредственное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на «высокие» его формы» [27, с. 175–176]. Данное замечание фактически констатирует смену научной парадигмы: методы и приёмы сравнительно-исторической парадигмы уже не справлялись с объёмом задач, поставленных языкознанию обществом. Первостепенным в этом процессе усматривалось изучение социолингвистической структуры языкового кода, в первую очередь, путём рассмотрения социальных диалектов и других идиомов городского языкового быта. Разумеется, на новый уровень необходимо было поднять и исследования собственно лингвистической (формальной) структуры языка и всех его субкодов. Таким образом, необходимость изучить язык города стала в первой трети XX в. одним из факторов утверждения в языкознании приоритета структурной парадигмы.

К сожалению, в сер. 1930-х годов урбанолингвистические исследования в СССР пришлось свернуть по идеологическим соображениям. ВКП(б) взяла курс на социальное равенство советских граждан, стирание границ между городом и деревней, активное этнокультурное и языковое взаимодействие народов СССР. Особенности же каждого из языковых субкодов подчёркивали социальные различия, а не единство их носителей. Методы и приёмы структурной парадигмы в русистике до конца 1960-х годов стали использоваться односторонне: без социолингвистической составляющей. С собственно лингвистической стороны рассматривался, в первую очередь, русский литературный язык. Изучение территориальных диалектов было подчинено исследованию истории языка, а практическая деятельность учителей-русистов была направлена на воспитание культуры устной и письменной речи на основе

единой литературной нормы, практически не предусматривавшей региональной вариативности (за исключением немногих различий в литературном произношении жителей Москвы и Ленинграда).

В языковедческих центрах Европы и Америки изучением языка города долгое время пренебрегали, считая городскую речь «нечистой», «смешанной» в результате беспорядочного соединения в «языковом котле» города разных языков, стилей, литературного языка и диалектов и под. Преобладала отрицательная оценка понятия «язык города». Этот взгляд на язык города нельзя признать научным. В отечественном гуманитарном пространстве он обычно характерен для журналистов, артистов эстрады, писателей, публицистов. Так эту точку зрения высказали одесские журналисты А. Степюченко и А. Осташко в предисловии к своему популярному изданию: «Характерная черта законов одесского языка состоит в том, что их просто не существует» [37, с. 7]).

Американские и европейские лингвисты серьёзно начали изучать язык города лишь в 1960-е годы. Исследуя систему фонетических, синтаксических, морфологических средств английского и некоторых других языков США, Европы и Азии, учёные столкнулись с необходимостью научной интерпретации вариативных явлений собственно лингвистической и социолингвистической структуры, которые были замечены в речи постоянных жителей некоторых городов, даже городских районов. В США это было связано также с разработкой государственных программ социальной адаптации афроамериканцев, пуэрториканцев, мексиканцев, которые вели обособленный образ жизни и, как правило, находились за чертой бедности. В этот период были проведены исследования социальной стратификации английской речи городов Нью-Йорка (W. Labov 1961, 1964, 1966), Детройта (R. Shuy, W. Wolfram, W. K. Rilyay 1967), Чикаго, Кливленда, Лафайетта, Чарлстона, Гринвила (J. A. Drake 1961; H. Kurath, R. I. McDavid, Jr 1961, 1964; L. Pederson 1964) негритянских гетто некоторых других городов (W. Labov, P. Cohen, C. Robins, J. Lewis 1968) на основе её фонологических, грамматических и лексических вариантов, исследование испанско-английского двуязычия в пуэрториканских общинах городов Нью-Йорка и Джерси-Сити (J. J. Gumperz, J. Fishman, R. L. Cooper, R. Ma и др. 1968) и некоторые другие [26, с. 117–128; 29]. Использование структурных методов исследования даёт возможность детально систематизировать общественные отношения в городе, показать его пространство как определяющую символические и культурные смыслы мастерски сконструированную социальную систему.

Изучение языковой ситуации города, где на небольшой территории, как правило, мозаично расселяются и взаимодействуют представители разных социальных групп и конфессий, носители разных языков, диалектов, культур, во многом способствовало разработке ко второй половине XX в. основ социолингвистики как самостоятельной дисциплины, развившейся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Мы выделяем урбанолингвистику как одно из ведущих направлений современной социолингвистики, в рамках которого в период господства структурной научной парадигмы возникли и развивались разнообразные научные проблемы: языковое и диалектное контактирование в городе; языковая практика и социальные роли горожан; язык города и политические процессы; идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона; языковое портретирование городов на определённых хронологических срезах (в том числе перспективное); язык города и его роль в литературе и искусстве; семиотика городского текста и городские прецедентные феномены; городская топонимия и антропонимия.

Успешное использование методики структурных исследований в социологии заставило научную общественность осознать тот факт, что именно город явился в истории человечества «создателем нового типа пространства — социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними, социальных, политических, экономических и этнических неравновесий» [38, с. 20–21]. Город представляет собой социально упорядоченную структуру. Язык города коррелирует с его социальной структурой. Следовательно, структурная парадигма языка города включает пересекающиеся и взаимодействующие собственно лингвистические и экстралингвистические структуры. Так, в городах, значительная часть населения которых непосредственно или через родственников связана с каким-либо одним видом профессиональной деятельности, обязательно имеется профессиональное арго, где многие единицы изменяют свой функциональный статус, предусмотренный общеязыковыми нормами. Многие единицы профессиональных арго функционируют как единицы городского койне, то есть общегородского просторечия, а часто проникают и в региональную литературную речь. Это явление нетрудно обнаружить в речи жителей городов, которые принято называть шахтёрскими, портовыми, курортными, городами нефтяников, металлургов, химиков, военных. В речи жителей таких городов как литературные функционируют метафоры, образованные на базе терминов и профессионализмов. Например, в портовых городах: *сойти на берег* = «уйти в отставку», «уйти на пенсию»; *табанить* — «двигаться назад», «выполнять манёвр заднего хода»; в Одессе *лёгкий бриз* — «освежающий массаж»; *круиз в один конец* — в начале XX в. «рейс с каторжниками на Сахалин» и др. Профессионально обусловленные регионализмы нередко имплантируются в общеупотребительное просторечие и даже в литературный язык: из речи жителей шахтёрских городов пришли фразеологизмы *выдать на гора* = «произвести (о продукции)» (выдать на гора тысячи сверхплановых пар обуви, десятки тонн мяса, сотни литров молока и т. д.); *пустая (беспользная) порода* = «некачественное изделие», «несерьёзный человек», «безрезультатное дело».

Исследования в области языка города возобновились в СССР лишь в 1970-е годы. Одними из первых появились работы о региональных особенностях речи жителей Перми, Томска и о русских арго досоветской, а затем и советской эпохи. Язык города вновь становится объектом исследования ака-

демических учреждений. В советском языкознании появляются работы, в которых систематизируются разные аспекты городской речи. В. В. Колесов на примере городской речи С.-Петербурга показывает её особенности, характерные для разных городских сословий, некоторых этнических групп, сравнивает речь Петербурга с образцовой старомосковской речью XIX в. [23]. В ряде работ рассматривается вопрос о языковых ситуациях в Саратове [34], Киеве [42; 25], Одессе [35], городах Крыма [3], Донбасса [24] и др. Широко понимая текст, Ю. М. Лотман и В. В. Иванов [28; 20] семиотически моделируют город, сравнивая его структуру со структурой текста. Город, по мнению Ю. М. Лотмана, является гипертекстом, в котором в социальных знаках закреплена информация о многообразии жизни, который объединяет всю совокупность артефактов, зафиксированных в определённое время на определённом пространстве и описанных с помощью разных семиотических кодов. Город — «котёл текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [28, с. 35]. Во многих работах исследуются фонетические, лексические, лексикографические, фразеологические, грамматические особенности речи жителей ряда городов, возникающие под влиянием диалектной либо иноязычной речи, в разных ситуациях социальной коммуникации, в результате следования историко-культурным традициям города и региона, в котором он находится [напр.: 21; 16; 17; 31; 39; 8]. Подобные исследования появляются в этот период не только в русистике, но и в украинистике, полонистике, болгаристике, словенистике, германистике и т. д.

Одним из достижений русской урбанолингвистики в период господства в языкознании методов и приёмов системно-структурного подхода является начавшийся процесс инвентаризации территориально и/или социально ориентированных лексических, фразеологических, словообразовательных, фонетических, грамматических средств разных русских городских койне и частичный лингвистический анализ этих средств. Наиболее ярко эта работа выразилась в систематизации лексических средств в словарях. Была проведена лексикографическая обработка местных особенностей русской речи некоторых социальных слоёв жителей Москвы, С.-Петербурга, Омска, Магнитогорска, Уфы, Киева, Пскова, Одессы, Бердянска и некоторых других городов. Кроме учёных, составлением словарей городской речи начали заниматься и художники слова, журналисты.

Таким образом, основными достижениями в изучении языка города в период господства в языкознании системно-структурной парадигмы является признание языка города упорядоченной структурой; стратификационное, функциональное, ситуативное, семиотическое, идеографическое структурирование речи горожан; разработка способов обнаружения, систематизации и инвентаризации фонетических, лексических, словообразовательных, фразеологических, грамматических особенностей разных городских койне; анализ собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих эти особенности; моделирование городского текста.

В конце XX в., когда системно-структурный подход начал уступать приоритеты подходу антропоцентрическому, во многих авторитетных научных исследованиях сравнительно-историческое изучение оставалось по-прежнему актуальным и объективно необходимым. Использование сравнительно-исторического, системно-структурного и атропоцентрического подходов в лингвистике является неотъемлемой составной частью нашего исследования русской городской речи Одессы [35; 36].

Объектом современных антропоцентрических исследований в урбанолингвистике является языковая личность горожанина. В исследованиях конца XX — нач. XXI в. рассматриваются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека в городе; изучается языковая картина мира горожанина, специфика его речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве города; выделяются городские языковые типы, городские лингвокультурные сценарии [напр.: 40; 41]. Изучаются также механизмы становления индивидуальной картины мира и идиолекта городской языковой личности, с точки зрения авторского идиостиля исследуется городской текст.

Итак, определение и изучение путей и механизмов взаимосвязанного использования сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи заставляет сделать вывод о преимуществах полипарадигмального подхода при исследовании феномена языка города.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Беликов В. И. Социolingвистика: учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М.: РГГУ, 2001. — 440 с.
3. Богданович Г. Ю. Русский язык в мультикультурной языковой ситуации (по данным социolingвистических исследований) / Г. Ю. Богданович // Наука и образование Крыма. — Симферополь, 2002. — № 2. — С. 11–26.
4. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение: сборник: пер. с нем. / [ред. К. Бюхер]. — СПб.: Просвещение, 1905. — 208 с.
5. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство / В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1980. — 105 с.
6. Бондалетов В. Д. Типология и генезис русских аргос / В. Д. Бондалетов. — Рязань: РГПИ, 1987. — 82 с.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1982. — 529 с.
8. Гайдамак Н. А. Диалектизмы как составная часть народно-разговорной речи современного города: на материале речи жителей г. Омска: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Гайдамак. — Омск, 2003. — 271 с.
9. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация [Электронный ресурс] / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. — 70 с. — Режим доступа: http://ixbook.net/read_rechevaqa_kommunikaciya_id33906.html. — Время доступа: 10.10.2011.
10. Горбач О. Аргос в Україні / Олекса Горбач. — Л.: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. — 688 с. — (Діалектологічна скриня).

11. Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. — 1922. — № 1. — С. 11–32.
12. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII века) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 43–60.
13. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / Владимир Долопчев. — О.: Тип. «Одесский Вестник», 1886. — 180 с.
14. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнцикл. слов. / В. С. Елистратов. — М.: Рус. словари, 1997. — 704 с.
15. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи горожан / Т. И. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979. — 91 с.
16. Живая речь уральского города: [сб. науч. тр.] / [ред. Н. А. Купина]. — Свердловск, 1988. — 182 с.
17. Жильцова Т. П. Локальные особенности предударного вокализма в речи жителей г. Красноярска / Т. П. Жильцова // Сибирские говоры: функционирование и взаимодействие диалектной речи и литературного языка. — Красноярск, 1988. — С. 3–9.
18. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. — Ленинград: Худ. лит., 1936. — 300 с.
19. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае / К. П. Зеленецкий. — О.: Францов и Нитче, 1855. — 34 с.
20. Иванов Вяч. Вс. Языки большого города // Лингвистика третьего тысячелетия / Вячеслав Всеволодович Иванов. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — С. 106–122.
21. Игнаткина Л. В. Из речевых портретов русских городов (социолингвистический этюд) / Л. В. Игнаткина // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр. — Пермь, 1993. — С. 77–82.
22. Каринский Н. М. Язык образованной части населения города Вятки и вятские говоры / Н. М. Каринский // Учёные записки Института русского языка и литературы. — М., 1929.
23. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. — М.: Высш. шк., 1991. — 192 с.
24. Кудрейко И. О. Социолингвистичний портрет малих міст Донеччини: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / І. О. Кудрейко. — Донецьк, 2011. — 19 с.
25. Кудрявцева Л. А. Русское городское просторечие: Киев — 2000 / Л. А. Кудрявцева // Русистика: [науч. сб.] / [КНУ им. Т. Шевченко]. — К., 2001. — Вып. 1. — С. 4–8.
26. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Новое в лингвистике. Социолингвистика. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII. — С. 96–181.
27. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города; К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание (избранные работы) / Б. А. Ларин. — М.: Просвещение, 1977. — С. 175–189, 189–199.
28. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург: труды по знаковым системам. — Тарту, 1984. — Т. 18, вып. 664. — С. 30–45. — (Учёные записки [Тартуского ун-та]).
29. Макдэвид Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид; [пер. с англ. Г. С. Шур] // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII: Социолингвистика. — С. 363–381.
30. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: Тетра-Системс, 2008. — 272 с.
31. Осипов В. И. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / В. И. Осипов, Г. А. Боброва, Н. А. Имедадзе и др. — Омск, 1994. — 144 с.
32. Рабинович О. Мориц Сефарди: [повесть] / Осип Рабинович // Литературные вечера. — О.: Н. Фумели, 1850. — Ч. 2. — С. 5–154.
33. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение: в 2 т.: [пер. с нем.] [Электронный ресурс] / Фридрих Ратцель. — СПб.: Просвещение, 1905. — Режим доступа: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-opredeleniya-ponyatiya-gorod.html>. — Время доступа: 10.12.2011.
34. Сиротинина О. Б. Языковой облик Саратова / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 247–252.
35. Степанов С. М. Російське мовлення Одеси: [монографія] / С. М. Степанов; [ред. Ю. О. Карпенко; ОНУ ім. І. І. Мечникова]. — О.: Астропринт, 2004. — 496 с.
36. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 — русский язык / Е. Н. Степанов. — О., 2013. — 595 с.
37. Стецюченко А. Самоучитель полуживого одесского языка с комментариями, дополнениями, толковым словарём / Алексей Стецюченко, Александр Осташко. — М.: Новое время; О., 1999. — 92 с.
38. Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанографии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» / Юлия Цыреновна Тыхеева. — СПб., 2003. — 35 с.
39. Федянина О. Н. Некодифицированная лексика языка города Кирова: на материале просторечия и жаргона: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Н. Федянина. — Калуга: КГУ, 1997. — 285 с.
40. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: лингвокультурные типажы / И. В. Шалина // Известия Уральского ун-та. Серия 2. — 2009. — № 4 (70). — С. 144–150.
41. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии: монография / И. В. Шалина. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. — 444 с.
42. Шумарова Н. П. Про розвиток мовної ситуації в Києві / Н. П. Шумарова // Язык и культура: IV междунар. конф.: материалы. — К.: Collegium, 1996. — Ч. 2. — С. 183–197.
43. Geddes P. Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
44. Mumford L. The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.

References

1. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorcestva / M. M. Bahtin. — M.: Iskusstvo, 1986. — 445 s.
2. Belikov V. I. Sociolinguistika: uchebnik / V. I. Belikov, L. P. Krysin. — M.: RGGU, 2001. — 440 s.
3. Bogdanovich G. Ju. Russkij jazyk v mul'tikul'turnoj jazykovoj situacii (po dannym sociolinguisticheskikh issledovanij) / G. Ju. Bogdanovich // Nauka i obrazovanie Kryma. — Simferopol', 2002. — № 2. — S. 11–26.
4. Bol'shie goroda, ih obshhestvennoe, politicheskoe i ekonomicheskoe znachenie: sbornik: [per. s nem.] / [red. K. Bjuher]. — SPb.: Prosveshhenie, 1905. — 208 s.
5. Bondaletov V. D. Uslovnye jazyki russkikh remeslennikov i trgovcev. Slovoпроизводство / V. D. Bondaletov. — Rjazan', 1980. — 105 s.
6. Bondaletov V. D. Tipologija i genezis russkikh argo / V. D. Bondaletov. — Rjazan': RGPI, 1987. — 82 s.

7. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov / V. V. Vinogradov. — 3-e izd. — M.: Vysshaja shkola, 1982. — 529 s.
8. *Gajdamak N. A.* Dialektizmy kak sostavnaja chast' narodno-razgovornoj rechi sovremennogo goroda: na materiale rechi zhitelej g. Omska: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / N. A. Gajdamak. — Omsk, 2003. — 271 s.
9. *Gojhman O. Ja.* Rechevaja komunikacija [Elektronnyj resurs] / O. Ja. Gojzman, T. M. Nadeina. — 70 s. — Rezhim dostupa: http://ixbook.net/read_rechevaya_kommunikaciya_id33906.html. — Vremja dostupa: 10.10.2011.
10. *Gorbach O.* Arro v Ukraïni / Oleksa Gorbach. — L'viv: In-t Ukraïnoznavstva im. I. Krip'jakevicha NAN Ukraïni, 2006. — 688 s. — (Dialektologichna skrynja).
11. *Grevs I. M.* Monumental'nyj gorod i istoricheskie ekskursii / I. M. Grevs // Ekskursionnoe delo. — 1922. — № 1. — S. 11–32.
12. *Darkevich V. P.* Proishozhdenie i razvitie gorodov Drevnej Rusi (X–XIII veka) / V. P. Darkevich // Voprosy istorii. — 1994. — № 10. — S. 43–60.
13. *Dolopchev V.* Opyt slovarja nepravil'nostej v russkoj razgovornoj rechi (preimushhestvenno v Juzhnoj Rossii) / Vladimir Dolopchev. — O.: Tip. «Odesskij Vestnik», 1886. — 180 s.
14. *Elistratov V. S.* Jazyk staroj Moskvy: lingvoenciklopedicheskij slovar' / V. S. Elistratov. — M.: Rus. slovari, 1997. — 704 s.
15. *Erofeeva T. I.* Lokal'naja okrashennost' literaturnoj razgovornoj rechi gorozhan / T. I. Erofeeva. — Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 1979. — 91 s.
16. *Zhivaja rech' ural'skogo goroda*: [sb. nauch. tr.] / [red. N. A. Kupina]. — Sverdlovsk, 1988. — 182 s.
17. *Zhil'cova T. P.* Lokal'nye osobennosti predudarnogo vokalizma v rechi zhitelej g. Krasnojarska / T. P. Zhil'cova // Sibirskie govory: funkcionirovanie i vzaimodejstvie dialektnoj rechi i literaturnogo jazyka. — Krasnojarsk, 1988. — S. 3–9.
18. *Zhirumskij V. M.* Nacional'nyj jazyk i social'nye dialekty / V. M. Zhirumskij. — Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, 1936. — 300 s.
19. *Zeleneckij K. P.* O russkom jazyke v Novorossijskom krae / K. P. Zeleneckij. — Odessa: Francov i Nitche, 1855. — 34 s.
20. *Ivanov Vjach. Vs.* Jazyki bol'shogo goroda // Lingvistika tret'ego tysjacheletija / Vjacheslav Vsevolodovich Ivanov. — M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. — S. 106–122.
21. *Ignatkina L. V.* Iz rechevych portretov russkih gorodov (sociolingvističeskij etjud) / L. V. Ignatkina // Zhivoe slovo v russkoj rechi Prikam'ja: mezhvuz. sb. nauch. tr. — Perm', 1993. — S. 77–82.
22. *Karinskij N. M.* Jazyk obrazovannoj chasti naselenija goroda Vjatki i vjatskie govory / N. M. Karinskij // Uchionye zapiski Instituta russkogo jazyka i literatury. — M., 1929.
23. *Kolesov V. V.* Jazyk goroda / V. V. Kolesov. — M.: Vysshaja shkola, 1991. — 192 s.
24. *Kudrejko I. O.* Sociolingvističnyj portret malyh mist Donechchyn: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — Ukraïns'ka mova / I. O. Kudrejko. — Donec'k, 2011. — 19 s.
25. *Kudrjavceva L. A.* Russkoe gorodskoe prostorečie: Kiev — 2000 / L. A. Kudrjavceva // Rusistika: [nauch. sb.] / [KNU im. T. Shevchenko] — K., 2001. — Vyp. 1. — S. 4–8.
26. *Labov U.* Issledovanie jazyka v ego social'nom kontekste / Uil'jam Labov; [per. s angl. Ju. D. Apresian] // Novoe v lingvistike. Sociolingvistika. — M.: Progress, 1975. — Vyp. VII. — S. 96–181.
27. *Larin B. A.* K lingvističeskoj karakteristike goroda (neskol'ko predposylok) // Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie (izbrannye raboty) / B. A. Larin. — M.: Prosveshhenie, 1977. — S. 189–199.
28. *Lotman Ju. M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Ju. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg: trudy po znakovym sistemam. — Tartu, 1984. — T. 18, vyp. 664. — S. 30–45. — (Uchionye zapiski [Tartuskogo un-ta]).
29. *Makdevid R. I.* Dialektnye i social'nye razlichija v gorodskom obshhestve / R. I. Makdevid; [per. s angl. G. S. Shhur] // Novoe v lingvistike. — M.: Progress, 1975. — Vyp. VII: Sociolingvistika. — S. 363–381.
30. *Maslova V. A.* Kognitivnaja lingvistika: ucheb. posobie / V. A. Maslova. — 3-e izd., pererab. i dop. — Minsk: TetraSistems, 2008. — 272 s.
31. *Osipov B. I.* Leksikograficheskoe opisanie narodno-razgovornoj rechi sovremennogo goroda: teoreticheskie aspekty / B. I. Osipov, G. A. Bobrova, N. A. Imedadze i dr. — Omsk, 1994. — 144 s.
32. *Rabinovich O.* Moric Sefardi: [povest'] / Osip Rabinovich // Literaturnye vechera. — Odessa: N. Fumeli, 1850. — Ch. 2. — S. 5–154.
33. *Ratcel' F.* Zemlja i zhizn'. Sravnitel'noe zemlevedenie: v 2 t.: [per. s nem.] [Elektronnyj resurs] / Fridrih Ratcel'. — SPb.: Prosveshhenie, 1905. — Rezhim dostupa: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-opredeleniya-ponyatiya-gorod.html>. — Vremja dostupa: 10.12.2011.
34. *Sirotinina O. B.* Jazykovej oblik Saratova / O. B. Sirotinina // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. — M.: Nauka, 1988. — S. 247–252.
35. *Stepanov Ie. M.* Rosijs'ke movlennja Odesi: [monografija] / Ie. M. Stepanov; [red. Ju. O. Karpenko; ONU im. I. I. Mechnikova]. — Odesa: Astroprint, 2004. — 496 s.
36. *Stepanov Ie. N.* Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy: dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.02 — russkij jazyk / Ie. N. Stepanov. — Odessa, 2013. — 595 s.
37. *Steciuchenko A.* Samouchitel' poluzhivogo odesskogo jazyka s kommentarijami, dopolnenijami, tolkovym slovariom / Aleksej Steciuchenko, Aleksandr Ostashko. — M.: Novoe vremia; Odessa, 1999. — 92 s.
38. *Tyheeva Ju. C.* Chelovek v gorodskom prostranstve: filosofsko-antropologičeskoe osnovanija urbanologii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 09.00.13 «Religiovedenie, filosofskaja antropologija, filosofija kul'tury» / Julija Cyrenovna Tyheeva. — SPb., 2003. — 35 s.
39. *Fedjanina O. N.* Nekodificirovannaja leksika jazyka goroda Kirova: na materiale prostorečija i zhargona: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / O. N. Fedjanina. — Kaluga: KGU, 1997. — 285 s.
40. *Shalina I. V.* Ural'skoe gorodskoe prostorečie: lingvokul'turnye tipazhi / I. V. Shalina // Izvestija Ural'skogo un-ta. Serija 2. — 2009. — № 4 (70). — S. 144–150.
41. *Shalina I. V.* Ural'skoe gorodskoe prostorečie: kul'turnye scenario: monografija / I. V. Shalina. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2009. — 444 s.
42. *Shumarova N. P.* Pro rozvitok movnoi situacii v Kievii / N. P. Shumarova // Jazyk i kul'tura: IV mezhdunar. konf.: materialy. — K.: Collegium, 1996. — Ch. 2. — S. 183–197.
43. *Geddes P.* Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
44. *Mumford L.* The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

ВЗАЄМОДІЯ НАУКОВИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ПІДХОДІВ У ДОСЛІДЖЕННІ РОСІЙСЬКОГО МІСЬКОГО МОВЛЕННЯ

Анотація. У статті показано шляхи взаємодії порівняльно-історичного, системно-структурного й антропоцентричного підходів у науковому дослідженні російського міського мовлення. Поліпарадигмальний підхід забезпечує комплексне дослідження феномену мови міста.

Методика порівняльно-історичного аналізу використовується у виявленні власне лінгвістичних і екстралінгвістичних причин, що породжують мовленнєві особливості городян, допомагаючи встановити процеси зміни етномовних і цивілізаційних пріоритетів у різних містах. Вивчаються процеси впливу діалектів та іноземних мов на мовлення городян, історія та закономірності розвитку міських і територіальних койне.

Системно-структурний підхід дає змогу розглянути мову міста як стратифікаційно, функціонально, ситуативно, семіотично, ідеографічно впорядковану структуру. Системно-структурні методи дослідження допомагають виявляти, інвентаризувати й систематизувати фонетичні, лексичні, словотвірні, фразеологічні, граматичні та інші особливості різних міських койне; встановити правила моделювання міського тексту.

Об'єктом антропоцентричних досліджень в урбанолінгвістиці є мовна особистість городянина. У рамках цього напрямку досліджуються когнітивні, психолінгвістичні, етнолінгвістичні, лінгвокультурологічні проблеми мовної практики людини в місті; вивчається мовна картина світу городянина, специфіка його мовного портрета, процеси породження нових смислів і форм в індивідуальній свідомості, їх закріплення або згасання в колективному комунікативному просторі міста; виділяються міські мовні типи, міські лінгвокультурні сценарії. Вивчаються також механізми становлення індивідуальної картини світу й ідіолекту міської мовної особистості. З точки зору авторського ідіостилу досліджується міський текст.

Ключові слова: російська мова; міське мовлення; методологія урбанолінгвістичного дослідження; порівняльно-історичний підхід; системно-структурний підхід; антропоцентричний підхід; поліпарадигмальний підхід.

Ievgenii N. STEPANOV,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Head of the Russian Language Department of the Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; tel.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

INTERACTION OF SCIENTIFIC LINGUISTIC APPROACHES TO RESEARCH THE RUSSIAN URBAN LANGUAGE

Summary. The article examines the interactive ways of comparative and historical, systematic-structural, and anthropocentric approaches in scientific research the Russian urban language. Multiparadigmatic approach provides a comprehensive study of the phenomenon of urban language.

The methodology and the technique of comparative and historical analysis are used to identify the proper linguistic and extralinguistic causes of speech features of the townspeople, helping to establish the processes of change the ethno-linguistic and civilizational priorities in different cities. The processes of influence of dialects and foreign languages in the speech of townspeople, the history and patterns of development of urban and territorial Koine are studied in this article.

Systemic-structural approach allows to consider the urban language as a stratificationally, functionally, situationally, semiotically, ideographically ordered structure. Systemic-structural research methods help to detect, to inventory and to systematize phonetic, lexical, derivational, phraseological, grammatical and other characteristics of different urban Koine; to establish the rules for modeling urban texts.

Language personality of a townsman is an object of anthropocentric research in urbanolinguistics. The cognitive, psycholinguistic, ethno-linguistic, cultural problems of language practice by human; language world picture of a townsman, the specificity of his speech portrait, the processes of generating new meanings and forms in the individual consciousness, or fixing their fading in the collective communicative space of the city are studied in developing anthropocentric line. Character types of townsmen and urban lingual cultural scenarios, the mechanisms of formation of personal world picture and idiolect of townsman, as well as author's idiostyle for urban text are investigated in the framework of anthropocentric approach.

Key words: the Russian language; urban language; urbanolinguistic research methodology; comparative-historical approach; systemic-structural approach; anthropocentric approach; multiparadigmatic approach.

Статтю отримано 25.04.2014 р.